

*Посвящается всем, кто предпочитает
счастливые концовки трагедиям*

Глава 1

Елена

— Охренеть, как я опаздываю, — бормочу себе под нос.

К счастью, коридоры башни Додоны пусты, но от этого тиканье часов в моей голове звучит настойчивее. Сегодня тот вечер, когда все изменится. Вечер, когда я перестану быть пешкой в чужих играх и наконец обрету свободу, о которой мечтала с тех пор, как была маленькой девочкой.

Не могу поверить, что, черт побери, опаздываю.

Ускоряю шаг, едва удерживаясь от того, чтобы не перейти на бег. В Олимпе явиться на вечеринку запыхавшейся и взволнованной — это хуже, чем опоздать. Внешность имеет значение. Олимп много лет не переживал ничего даже отдаленно похожего на военные действия, но каждый день здесь происходят маленькие сражения, в которых победу одерживают с помощью самых обычных вещей.

Тщательно подобранного платья.

Ласкового слова, таящего яд.

Брака.

Я вхожу в лифт, который доставит меня на этаж, где находится банкетный зал, и едва сдерживаюсь, чтобы не начать нетерпеливо подпрыгивать. В любой другой день мне было бы на это наплевать. Я превращаю маленькие проявления бунта в искусство.

Но сегодня все иначе.

Сегодня мой брат Персей — теперь Зевс — делает объявление, которое изменит многое.

Меньше недели назад скончался Арес. Его смерть не стала неожиданностью (мужик был древним, как мамонт, и уже три месяца стучался в двери преисподней), но предоставила многим возможность, которая появляется лишь раз в поколение. Из всех Тринадцати только на титул Ареса может претендовать любой желающий. Ни прошлое, ни связи, ни финансовое положение кандидата значения не имеют. Необязательно даже быть гражданином Олимпа.

Нужно лишь победить.

Три испытания, чтобы отсеять слабых. Последний выстоявший становится Аресом. Одним из Тринадцати, которые представляют правящую верхушку Олимпа. Каждый из них выполняет свою работу, обеспечивая жизнь города, но важнее всего то, что никто не может принудить их делать что-то против воли.

Даже Зевс не может силой заставить кого-то из Тринадцати действовать вопреки желанию, во всяком случае, это предполагается. Мой отец никогда не обращал внимания на подобные тонкости, и сомневаюсь, что это станет делать брат, унаследовавший его титул. Но это не имеет значения. Если завоюю титул Ареса, то больше не буду дочерью одного Зевса и сестрой другого, избалованной принцессой, за красивым личиком и семейными связями которой не стоит ничего большего.

Получив титул Ареса, я стану свободной.

Двери лифта открываются, и я спешу в сторону банкетного зала. Длинный коридор изменился со времени последней вечеринки: строгие, темные шторы, свисавшие по бокам от дверей, заменил воздушный белый тюль с серебристой нитью. Вид остался таким же неприветливым, но стал менее угнетающим.

Любопытно, кто выбрал такой дизайн, это точно сделал не Персей. С тех пор, как старший брат принял титул Зевса после смерти нашего отца, он озабочен лишь тем, чтобы вести бизнес и держать Олимп в ежовых рукавицах.

По крайней мере, пытаться.

— Елена.

Я резко останавливаюсь, но, узнав голос, с облегчением улыбаюсь.

— Эрос. Почему ты крадешься в темноте?

Он выходит вперед и показывает маленькую, украшенную драгоценными камнями сумку.

— Психея забыла сумочку.

Он должен бы выглядеть нелепо с этой сумочкой в руках, особенно учитывая, сколько насилия эти руки совершили, но Эрос всегда держит себя так, будто неуязвим. Никто не посмеет сказать ему ни слова, и он об этом знает.

— Какой ты хороший муж. — Я подхожу к нему и небрежно целую в обе щеки. За последние месяцы мы редко виделись, но выглядит он хорошо. Эрос — один из самых красивых людей в Олимпе (а это о многом говорит): парень с вьющимися светлыми волосами и лицом, способным заставить художников рыдать от его совершенства. — Брак тебе к лицу.

— С каждым днем все больше. — Его взгляд становится сосредоточенным. — Ты превзошла саму себя.

— Тебе нравится платье? — Я провожу рукой по ткани. На мне сшитое на заказ золотистое платье, которое облегает тело от плеч до бедер, а затем слегка расширяется. На ткани плотный, едва различимый рисунок, улавливающий свет при каждом моем движении. Глубокий треугольный вырез спускается между грудей, а плечи скроены в форме острых наконечников, которые напоминают о военной собранности. — Коронный номер, как сказала бы моя мама.

Я не обращаю внимания на боль в груди, возникшую от этой мысли, как делаю всякий раз, когда ко мне приходят воспоминания о женщине, которая умерла слишком молодой. Ее не стало пятнадцать лет назад, когда она загадочным образом упала с большой высоты. Мне тогда было всего пятнадцать. Загадочно. Ага. Будто весь Олимп не подозревал, что за этим стоял мой отец.

Будто я сама не знала этого.

Прогонять подобные мысли для меня привычное дело. Не имеет значения, какие грехи совершил мой отец. Он мертв, как и моя мать. Надеюсь, он страдает в недрах Тартара с тех пор, как испустил последний вздох. Думая о его смерти, испытываю облегчение. Он умер, не успев выдать меня замуж, чтобы создать какой-нибудь бредовый союз и причинить еще больше боли, которую ему, похоже, очень нравилось причинять.

Нет, я совсем не скучаю по отцу.

— Она бы гордилась тобой.

— Возможно. — Поглядываю на двери. — А может, пришла бы в ярость от того, что я собираюсь

сделать. — Раскачать лодку? Черт, да я вот-вот ее переверну.

Эрос смотрит на меня с невозмутимым видом. Только слегка приподнимает брови и качает головой.

— Значит, решила побороться за титул Ареса. Мне стоило догадаться. В последнее время ты пропустила много вечеринок. Тренировалась?

— Да.

Я ожидаю, что он отнесется к этому скептически. Возможно, мы друзья, но только по меркам Олимпа. Я верю, что Эрос не вонзит нож мне в ребра. Он верит, что я не устрою ему неприятностей, пустив какую-нибудь сплетню. Мы встречаемся на мероприятиях и вечеринках и время от времени оказываем друг другу услуги. Но я не доверю ему свои сокровенные тайны. Ничего личного. Эту часть себя не доверю никому.

Хотя в скором времени все в Олимпе узнают о моих планах.

Я расправляю плечи.

— Я буду участвовать в состязании за титул Ареса.

— Черт. — Он тихо присвистывает. — Тебе предстоит потрудиться.

Он не говорит, что думает, будто я не справлюсь, но все же немного расстраиваюсь. Не ждала активной поддержки, но то, что меня недооценивают, никогда не перестанет ранить.

— Да, что ж, мне лучше поторопиться.

— Погоди. — Он осматривает меня. — У тебя прическа слегка съехала набок.

— Что?! — Я поднимаю руку, чтобы потрогать волосы. Без зеркала ничего не смогу исправить. Черт, опоздаю еще больше, но лучше так, чем войти в зал растрепанной.

Я поворачиваюсь к лифтам, в стороне которых расположены уборные, но Эрос хватает меня за плечо.

— Я разберусь. — Он открывает сумку Психеи, роется в ней пару секунд и достает оттуда меньшую сумочку. В ней лежит пачка невидимок для волос. Эрос издает смешок при виде изумления, отразившегося на моем лице. — Не стоит так удивляться. Если бы у тебя была с собой сумочка, невидимки в ней тоже нашлись бы. А теперь замри и дай мне поправить всю эту хренотень.

Я стою неподвижно, потрясенная, а он приводит в порядок мою прическу, фиксируя волосы невидимками. Затем отстраняется и кивает.

— Так лучше.

— Эрос. — Я осторожно касаюсь волос. — С каких пор ты делаешь прически?

Он пожимает плечами.

— Могу устранить лишь небольшие проблемы, но так я здорово выручаю Психею, когда мы выходим в свет.

Боги, он так влюблен, что становится тошно. Рада за него. Правда рада. Но ничего не могу поделать с завистью, которая меня пронзает. Дело не в Эросе (он мне почти как брат), а в близости и доверии между ним и его женой. Единственный раз, когда подумала, что могу обрести нечто подобное, закончился печально, и я до сих пор не избавилась от той боли.

Но мне удастся выдать улыбку.

— Спасибо.

— Покажи им, Елена. — Он хитро ухмыляется. — Я буду болеть за тебя.

Делаю медленный вдох и поворачиваюсь к двери. Раз уж и так опаздываю, почему не устроить эффек-

тное появление? Выпрямляю спину и толкаю двери с большей силой, чем необходимо. Когда вхожу в зал, люди расступаются. Я останавливаюсь, позволяя им рассмотреть меня, и в то же время разглядываю их.

Зал изменился с тех пор, как Персей унаследовал титул Зевса. С точки зрения функциональности пространство осталось прежним. Блестящие полы из белого мрамора, сводчатый потолок, создающий впечатление, будто зал больше, чем есть на самом деле, а еще огромные окна и стеклянные двери, выходящие на балкон. Но, по ощущениям, зал кажется другим. Стены, раньше кремового цвета, теперь выкрашены в прохладный серый. Изменение не такое заметное, но имеет значение.

В портретах больше натуральной величины поменяли рамы. Толстые золотые обрамления, которые так нравились моему отцу, сменили на искусно сделанные черные рамы. Они выглядят так, будто изготовлены по индивидуальному заказу для каждого из Тринадцати, хотя придется подойти ближе, чтобы в этом убедиться.

Эти изменения тоже внес не Персей. В этом я уверена. Возможно, наш отец был одержим собственным имиджем, но моему брату на это плевать. Даже когда следовало бы этим озаботиться.

Иду сквозь толпу, высоко подняв голову.

Я знаю всех, кто посещает вечеринки в башне Додоны. Информация — это все, и я с ранних лет усвоила, что это к тому же единственное доступное мне оружие. Некоторые из присутствующих ловят мой взгляд, другие смотрят так, что мурашки бегут по коже, а кто-то едва ли не поворачивается ко мне спиной. Не удивительно. Возможно, принадлеж-

ность к роду Касиос имеет в Олимпе свои преимущества, но в то же время это означает, что я родилась в мире наследственной вражды и политических интриг. Я с детства узнала, кому можно доверять (никому) и кто при первой же возможности толкнул бы меня под колеса машины (что не утешительно, очень многие).

Но это не обычная вечеринка, и сегодня не обычный вечер. Почти половина присутствующих мне незнакомы — эти люди прибыли с окраин Олимпа или были доставлены в город Посейдоном ради этого особого случая. Я не останавливаюсь, чтобы запомнить их лица. Не все из собравшихся будут участвовать в соревновании, большинство из них просто пришли посмотреть. Дармоеды. Они не имеют никакого значения.

Не ускоряя шага, иду вперед, вынуждая людей уходить с моей дороги. Толпа расступается, как я того и ожидала, перешептываясь. Я люблю устраивать сцены, и хотя половина собравшихся любит меня за это, остальные презирают.

Сегодня вечером каждый превзошел самого себя. В одном углу моя сестра Эрис (уже три месяца как Афродита) смеется над чем-то вместе с Гермес и Дионисом. У меня щемит в груди. Больше всего мне сейчас хотелось бы быть с ними, как и на любой другой вечеринке. Благодаря сестре и друзьям жизнь в Олимпе становится сносной, но последние несколько месяцев раскрыли разногласия между нами. Они были не так заметны, пока Эрис все еще была Эрис, но теперь, когда она стала одной из Тринадцати...

Я остаюсь не у дел. Быть сестрой Зевса и Афродиты, подругой Гермес и Диониса? Это ни черта

не значит. Я пешка, которую можно перемещать на доске.

Заполучить титул Ареса — единственная возможность это изменить.

Я замечаю семейство Димитриу в дальнем углу зала: Деметру с тремя из своих четырех дочерей в компании Аида, мужа Персефоны. Как и все остальные, они одеты безупречно. А присутствие Аида и Персефоны только подчеркивает важность грядущего события. Все Тринадцать собрались сегодня, чтобы стать свидетелями торжественного объявления турнира, который определит нового Ареса. Эрос встает рядом со своей женой, и от того, как озаряется ее лицо при виде него... Я отворачиваюсь.

Трон — вот куда я направляюсь.

Вернее, два трона.

Там меня ждет еще пара изменений, вызванных сменой нашего лидера. Исчезло безвкусное золотое страшилище, которое любил наш отец, а на его месте появилось привлекательное, но холодное стальное изваяние. В общем, как и сам Персей.

Второй трон представляет более изящную версию первого. На нем сидит Каллисто Димитриу, красивая женщина с длинными черными волосами, одетая в элегантное черное платье. Она смотрит на собравшихся так, словно хочет вытолкнуть каждого через стеклянные двери, которые распахнуты, чтобы впустить в зал ароматный воздух июньского вечера. Хотя сомневаюсь, что она бы на этом остановилась. Скорее всего, она была бы рада увидеть, как эти люди полетят вниз прямо с балкона.

Для всех в Олимпе остается загадкой, почему мой брат выбрал ее на роль новой Геры. Они явно недолюбливают друг друга. Их брак не обошелся без вме-

шательства Деметры, но сколько бы я ни старалась, мне не удалось найти вразумительный ответ. Полагаю, не имеет значения, почему Персей на ней женился, важно лишь, что он это сделал.

Я быстро приседаю в реверансе, который получается почти изящным.

— Зевс. Гера.

Брат подается вперед и сосредотачивает на мне холодный взгляд. Если мы с Эрис напоминаем мать, то Персей во всем похож на отца. Светлые волосы, голубые глаза, бледная кожа и грубоватое, но привлекательное лицо. Если бы он приложил каплю усилий, с легкостью смог очаровать всех собравшихся. К сожалению, брат никогда не владел этим навыком так, как остальные члены моей семьи.

«За исключением Геракла. Он играл в эту игру так же плохо, как Персей».

Прогоняю эту мысль. О Геракле думать тоже не стоит. Его нет, и для большей части Олимпа он все равно что мертв. Нет, не так. О мертвых люди говорят. А в случае с Гераклом делают вид, будто его никогда не существовало. Я скучаю по нему почти так же сильно, как по матери.

— Ты опоздала. — Персей не повышает голос, но это и ни к чему. Стоящие поблизости гости притихли и замерли, наблюдая, как разыгрывается драма семейства Касиос. Не могу на них за это обижаться. За эти тридцать лет я дала им достаточно поводов для сплетен.

— Прошу прощения. — Я не собираюсь врать. — Потеряла счет времени. — Обычно не готовлюсь так тщательно, но в этой ситуации нет ничего обычного.

Персей слегка качает головой и обводит взглядом зал.

— Скоро я сделаю объявление. Не уходи далеко.

Чувствую раздражение, хотя нет никаких причин принимать это на свой счет. Персей со всеми разговаривает, будто с маленькими детьми. Я знаю, что у него всегда была такая манера общения, но она уже вызывает недовольство среди элиты Олимпа.

Впрочем, это не моя проблема. Не сегодня. Я одариваю его ослепительной улыбкой.

— Разумеется, дорогой братец. Даже в мыслях не было.

После объявления присутствующие смогут выдвинуть свои кандидатуры, что позволит им принять участие в состязании за титул Ареса. Формально возможность стать участником состязаний открыта до рассвета, но, насколько понимаю, на такие события редко кто опаздывает. Я хочу успеть быстро назвать свое имя, пока никто не подумал мне помешать.

Поворачиваюсь, чтобы осмотреть зал, хотя чувствую, что брат наблюдает за мной. Наверное, беспокоится, что опозорю его еще больше. В любой другой вечер я бы, может, восприняла это как вызов, но сейчас сосредоточена на главном. Не позволю себя отвлечь.

После этого вечера все будут знать, что я сила, с которой нужно считаться.

Вскоре Тринадцать подходят ближе и занимают свои места по бокам от моего брата и Каллисто — Геры. Похоже, эта церемония ей наскучила, но только ей одной. По залу проносится волна возбуждения. Знаю, что Персей лишь хочет стабильности для Олимпа, но эта шумиха принесет городу нечто большее. Повод для радости, событие, кото-

рое поднимет настроение горожан, чего в последнее время не хватало.

Пусть Тринадцать правят Олимпом, но они лишь горстка людей. Без поддержки граждан от их власти останется одно название. За всю историю восстание происходило лишь раз, несколько поколений назад, после войны между Тринадцатью, опустошившей город, но оно было настолько жестоким, что все поняли: мы не хотим, чтобы подобное повторилось.

Лучше всего дела идут, когда Тринадцать разыгрывают из себя знаменитостей. Когда кто-то принимает новый титул, он решает, какой имидж хочет создать, и поддерживает его. Некоторые, например Деметра, прежняя Афродита, Гермес и Дионис, идут напролом, используя общественное мнение для достижения собственных целей. А Посейдон с Аидом всегда были вне игры. Аид — благодаря тому, что до недавнего времени на этом берегу реки о его существовании вообще никто не знал. А Посейдон потому, что ему в любом случае обеспечено всеобщее расположение, поскольку он единственный может свободно пересекать барьер, окружающий Олимп, а значит, ввозит все, что городская промышленность не в силах предложить.

Появление нескольких новых членов Тринадцати означает неопределенность, а в нестабильные времена возможно все.

Даже революция.

Мой брат всячески старается этого не допустить.

Толпа сдвигается ближе к тронам, и я отступаю к Дионису. Он мужчина моего возраста с темными короткими волосами и впечатляющими усами, которые он отрастил настолько, чтобы их края загибались

по обеим сторонам рта. Должно смотреться нелепо, но это Дионис. Он превращает все в творческий манифест, начиная от своей постоянной веселости, заканчивая цветастым костюмом. Дионис широко улыбается.

— Готова?

Живот сводит, но я улыбаюсь в ответ.

— Конечно. Без драмы не обойдется, а ты знаешь, как я это люблю. — Вскоре я сама устрою драму.

Свет над Персеем становится ярче, съемочная группа занимает места напротив него. Это событие будет транслироваться по всему городу, а значит, впечатление, которое произведут участники состязания начиная с этого момента, крайне важно. Хотя Аресу не нужна поддержка граждан, чтобы выполнять свою работу, но популярность среди горожан облегчит эту задачу.

Мой брат встает. Ему не присуща аура властности, которой обладал наш отец, но он умеет создавать впечатление, будто смотрит человеку прямо в душу. Сейчас он использует это умение, блуждая холодным взглядом по собравшимся, пока не останавливает его на мне. В его глазах вспыхивает непонятное мне чувство, но он продолжает осматривать зал, пока я не успела его распознать.

— Вы все знаете, почему мы здесь собрались. — Он не повышает голос, но ему это и не нужно. Мои брат и сестра с ранних лет обучались публичным выступлениям, чтобы стать безупречными представителями нашей безупречной семьи. — Мы собрались, чтобы почтить кончину Ареса. Он служил своему титулу почти шестьдесят лет и ушел слишком рано.

Прекрасные слова. И бессмысленные. Откровенно говоря, последний Арес был той еще сволочью.